Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ. 3
РОЖДЕНИЕ. 4
ЛЕЧЕНИЕ. 4
ДЦП И ЛЕСТНИЦА. 9
Я И ВЕЛОСИПЕД. 10
ШКОЛА ЖИЗНИ. 11
ТОВАРИЩ ПО НЕСЧАСТЬЮ. 12
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ. 13
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЛЮДЬМИ. 14
Я УСТАНАВЛИВАЮ СВЯЗИ. 17
Я И БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ. 18
ИППОДРОМ. 20
СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА. 21
ПОСТУПЛЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТ. 21
ОБУЧЕНИЕ И РАБОТА. 22
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ИНВАЛИДНОСТЬ. 23
ДЕТСТВО КОНЧИЛОСЬ. 25
Я «СПАСАТЕЛЬ». 27
Я ЗАДУМЫВАЮСЬ О РЕБЕНКЕ. 30
РАБОЧИЕ ПЕРЕПИТИИ. 31
БЕРЕМЕННОСТЬ. 33
РОДЫ. 34
ЖИЗНЬ С РЕБЕНКОМ. 37
ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАБОЧУЮ КОЛЛЕЮ. 38
ПАРЯЩИЕ ОРЛЫ И ПОДБИТЫЕ ЛЕТЧИКИ. 39
ЖИЗНЕННЫЙ ЭКЗАМЕН. 43
ПОТЕРЯШКА. 44
ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. 46
РАЗГОВОРЫ О РЕЛИГИИ И ВЕРЕ. 48
МОНАСТЫРЬ. 49
РАССТАВАНИЕ. 51
Я УЧУСЬ ЖИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО. 53
НЕОЖИДАННЫЕ ЖЕЛАНИЯ. 54
РАСТЯЖКА. 55
НЕ ВСЕ МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ. 57

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СОЦИУМ. 58
ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО. 59
НОВАЯ ЖИЗНЬ. 60
ПОДАРОК СУДЬБЫ. 61

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эту книгу я пишу для людей, которые испытывают трудности при взаимодействии с этим миром, для тех, кто себя неважным и неинтересным. Кто потерял себя и, как следствие, потерял интерес к жизни.

В этой книге я расскажу Вам свою историю, историю обычной девушки с необычной особенностью – детским церебральным параличом. В ней я не хочу кого-то учить, наставлять и ставить себя в пример. Моя цель – рассказать, что люди, отличающиеся от других, способны вести полноценную насыщенную жизнь. В этой книге я не стремлюсь романтизировать жизнь человека с инвалидностью, напротив – я хочу показать ее в таком виде, в котором она сложилась у меня, без прикрас и сгущения красок.

Читатель увидит, что путь мой был полон ошибок и заблуждений, разочарований и несказанной радости. В общем, все почти также, как у всех, но с небольшими нюансами.

На моем примере читатель убедится, что инвалидность – не приговор, скорее это вызов, который можно принять или проигнорировать. Если Вы не примете его – Вы проиграете, если же примите – Вы рискуете стать счастливым и жить именно той жизнью, которой хотите. Я убеждена, что все барьеры внутри нас, мы их возводим, и мы же можем разрушить. Решение только за Вами.

РОЖДЕНИЕ.

Свое рождение я считаю весьма выдающимся событием, и дело тут вовсе не во мне, как могло показаться читателю, а в событиях, которые к тому моменту происходили с моей Родиной.

Это был август 1991 года, 19 число. Не знаю, какие звезды сошлись во вселенной, но именно в этот день я и мои сестры решили появиться на свет. Учитывая политическую ситуацию в стране, день для рождения не самый удачный, но у Бога свои планы.

В этот день папа вез маму в роддом по дороге, по которой к Белому дому шла военная техника. Гражданских автомобилей на ней практически не встречалось. Благополучно добравшись до места назначения, папа передал маму врачам, а сам поехал на работу.

Подробностей своего рождения я не знаю, что тогда пошло не так и почему мне не известно, но рождалась я с трудностями, меня вытягивали щипцами. После меня на свет появилась моя средняя сестра, тоже очень нестандартным способом – местом, служащим магнитом для приключений, вперед, а за ней – младшая, она решила, что наших уловок вполне достаточно, и не стала удивлять мир, родилась без эксцессов.

Вот так, назло науке, а именно ультразвуковому исследованию, ожиданиям всех причастных и интересующихся, вместо крупного мальчика на свет появились три девочки с разницей в 2,5 минуты. А дома маму ждали два старших сына, двенадцати и 1,9 лет.

Однако, такое радостное событие, как пополнение в семействе, было омрачено одним обстоятельством: использование щипцов при родовспоможении не прошло для меня бесследно. Оно вызвало ряд нарушений в работе головного мозга и нервной системы, в результате чего мне поставили диагноз: ДЦП -детский церебральный паралич.

ЛЕЧЕНИЕ.

Несмотря на то, что я родилась с диагнозом, мир продолжал жить по своим законам, и маме пришлось адаптироваться под сложившиеся условия, а именно воспитывать и растить детей, не смотря на огромное количество сложностей, обрушившихся на нее с нашим появлением. Она решила растить меня также, как моих сестер и братьев, и ничем не выделять среди остальных. Это в дальнейшем имело для меня определенные последствия, но о них я расскажу позже.

Внешне я была похожа на динозаврика, ноги согнуты в коленях, руки – в локтях. Ходила я на носочках и совершенно не умела держать равновесие. Была у нас даже запись на видеокассете, где со мной занимается старший брат. Он держит меня за две руки – я иду, отпускает – я заваливаюсь к стенке.

Вообще, свое раннее детство я помню плохо, но в памяти хорошо отложилось, что мама всеми силами пыталась минимизировать последствия моего недуга: мы ездили на различные массажи, плавание, гипсование и даже китайское иглоукалывание.

Иглоукалывание не отложилось бы у меня в памяти, если бы не послужило основанием для событий, которые запомнились навсегда. Мама отвезла меня на процедуру, после которой домой я вернулась вполне бодрой. Спать я легла как обычно, чувствуя себя вполне здоровой (я всегда ощущала себя здоровой и искренне не понимала, зачем мама постоянно возит меня по местам, в которых мне делают различные процедуры, которые для меня болезненны). Но, когда я проснулась и попыталась встать с кровати, поняла, что со мной что-то не так. Я совсем не чувствовала ног, то есть чувствовать чувствовала, но совершенно не могла ими управлять, они были ватными и совершенно не слушались меня.

Собрав всю волю в кулак, я попыталась встать. Это было ошибочным, поскольку ноги сразу подкосились, и я рухнула на пол. Сестры позвали маму, и она вызвала скорую. Нас, в очередной раз, увезли в больницу.

Другой процедурой, отпечатавшейся в памяти, было гипсование ног. Представляла она из себя довольно необычный процесс. Жидкий гипс наносили на ногу, делая своеобразный трафарет. Когда он застывал из него делали обувь, напоминающую сапоги с длинным голенищем, на шнуровке. От обычных сапог, помимо материала, они отличались тем, что нос у них был открытый, и, вместо ровной подошвы, была полукруглая, как основание у неваляшки. Мне предстояло в них ходить ежедневно, думаю, как раз для того, чтобы откорректировать постановку ступни и нарабатывать навык прямохождения без опоры. В теории. На практике все было иначе. Я наотрез отказывалась их обувать, и считала это изобретение орудием пыток, так как без них я могла хоть как-то ходить, а в них даже стоять не получалось. Был даже случай, после которого я категорически отказалась их обувать:

Как-то выехали мы всей семьей на дачу, которая представляла собой деревянный дом, без каких-либо коммуникаций, с удобствами на улице. И вот, однажды, мама обула меня в мои «сапожки», пока я была в доме. Спустя какое-то время, организм начал сигнализировать о необходимости выхода на улицу, для удовлетворения физиологических потребностей, простите за такие подробности. Передо мной встала дилемма: сидеть на месте и ждать, пока кто-нибудь придет и поможет мне или решить проблему самостоятельно. Я понимаю, что помощи могу не дождаться, поскольку время работает против меня, а дойти в такой обувке я не смогу, так как идти по неровному участку, а прежде – спуститься с крыльца без перил, - сама по себе задача непростая, а в этой обуви – вовсе невыполнимая. Ситуация становилась критической, мои попытки расшнуровать это рукотворное изобретение не увенчались успехом, и я почти впала в отчаяние. Но тут на помощь пришел старший брат: он помог мне их снять, и проблема была решена. Правда, потом нам обоим влетело от мамы, мне – за то, что сняла, ему – за то, что помог. Но это было мелочью, потом мы все объяснили и инцидент был исчерпан.

Справедливости ради, нужно отметить, что еще одним изобретением человечества, которое я не любила всей душой были шнурки. Однажды, находясь на даче, я захотела пойти погулять. Не помню, по какой причине отсутствовала моя привычная обувь, может я ее промочила, может порвала – не знаю, но на тот момент мне были доступны только кроссовки со шнурками. Завязывать я их не умела, да и желания учится особо не было. Тогда я пошла к маме, в надежде, что она поможет мне справится с этим недоразумением. Но, вопреки моим ожиданиям, мама отказалась мне помогать и сказала, что я уже достаточно взрослая для того, чтобы делать это самостоятельно. Сестрам она строго-настрого запретила мне помогать, и сказала, что, если я хочу гулять, то сначала должна научится завязывать шнурки. Как я злилась, мне кажется, тогда я прошла все стадии отчаяния. Как я ни старалась связать эти две веревочки в бантик, у меня ничего не получалось. Если кто смотрел фильм «Временные трудности», тот может догадаться, чем закончилась эта история, она была аналогична истории главного героя – день завершился, а выйти на прогулку мне так и не удалось.

Так жизнь шла своим чередом, пока одно событие в корне не изменило мою жизнь. Однажды, мама увидела по телевизору то ли рекламу, то ли передачу про операции людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата, в том числе с ДЦП. Это событие стало отправной точкой в новой главе моей жизни.

Суть этих операций сводилась к тому, что пациенту подрезали все группы мышц, вплоть до височных. Чтобы понять состояние, в котором находился человек после их

проведения, представьте, что вы травмировали сухожилия настолько, что для их заживления требуется гипсование конечности или другой части тела. Теперь представьте, что вместо травмы – хирургический надрез и все это не в одной мышце, а по всему телу. Думаю, будет лишним говорить о том, что шевелиться после этих операций я не могла, совсем. В течении месяца я училась управлять своим телом: сначала повороты головы, потом перемена положения на кровати, затем, первые попытки спуститься с кровати. Просто слезть я не могла, мне нужно было за что-то ухватиться: спинку, перекладины или тряпочную петлю. Это притом, что руки тоже были прооперированы и любое движение, а особенно совершенное с усилием, причиняло боль. Однако, не надо думать, что, спустя месяц, я вновь обретала способность ходить – нет. Тогда я могла только заново учиться ползать на четвереньках, как это делают малыши, пока не научаться ходить. Мне также, как и им, требовалось время, чтобы начать пытаться встать на ноги. После того, как мне это удавалось, а удавалось далеко не с первого раза, я начинала пробовать ходить, естественно, опираясь на стены или на другие опоры. Когда навык прямохождения был отработан настолько, что я могла пройти несколько метров, не опираясь на стену, я начинала проситься на улицу. В нашем доме у подъезда была асфальтированная дорожка, с двух сторон которой находились небольшие площадки с травой, обнесенные небольшими заборчиками. Это очень помогало мне, так как пройти несколько шагов для меня было подобно пешему походу в десяток километров. Утомляемость была ужасная: делаешь три шага и потом десять минут сидишь на заборчике, набираешься сил. Все это сопровождалось режущей и тянущей болью в мышцах.

Эти операции делали людям до 18 лет. Сейчас я понимаю, что их делали до тех пор, пока организм рос, и восстановительные процессы проходили проще и быстрее. Но в период, когда мне начали их делать, я была семилетним ребенком и не могла оценить ту пользу, которую они мне приносили и тот объем возможностей, которые мне открылись, благодаря им. Как ребенок я воспринимала их как пытку, жестокую и бессмысленную. Никогда не забуду, какой ужас вызывало у меня сообщение родителей о том, что завтра едем на операцию. Не сказать мне об этом они не могли, так как операцию нужно делать натощак, и поэтому вечером меня необходимо было накормить, как следует, чтобы утром у меня хватило сил доехать до другого города и не устраивать голодных истерик. Каждый раз, после подобного сообщения, я пыталась не заснуть, надеясь, что так следующий день не настанет. Когда этот метод не срабатывал, и, уставшая от собственного страха, я засыпала тревожным сном, то, проснувшись, я забивалась во все щели, из которых меня, как мне казалось, невозможно будет достать. Помню, в нашей комнате стоял секретер, рядом со стеной, расстояние между ним и стенкой составляло сантиметров десять, так вот я умудрялась залезть в эту щель и сидеть там, как мышь, до тех пор, пока меня не находили. Места, в которых я пряталась, приходилось постоянно менять, так как в рассекреченных уже не было смысла. Так я забиралась в встроенный гардероб, где у нас висела вся верхняя одежда, под кровати. Не помогало – всегда находили. Вытаскивали, сажали в машину и везли на операцию. Сейчас, с позиции взрослого человека, я понимаю, что родители делали это для моего блага, но тогда, семилетним ребенком, я воспринимала это как предательство, жуткое, досадное и бесчеловечное. Помню, я клялась маме всем, чем только могла: что я буду ходить прямо, не буду капризничать, буду хорошо кушать, не буду у нее ничего просить – все, что хочешь, только не вези меня туда. Везли. Мне трудно передать всю гамму чувств, что я тогда переживала: леденящий, животный страх, беспомощность и обреченность. Я знала, что никто меня не спасет и никто не поможет.

Но, как говорится, даже в самой кромешной тьме найдется место для солнечного луча. Этим лучом для меня был старший брат. После операций он часто заходил к нам в

комнату, брал меня на руки и нес в свою. Включал игровую приставку и играл, а я смотрела, как он проходит уровень за уровнем. Иногда это длилось часами. Когда младший брат и сестры хотели войти, он говорил им закрыть дверь с обратной стороны и не открывать. Понимаю, что это было нечестно по отношению к ним, но я очень ценила это времяпровождение вдвоем. Я знала, что у меня есть защитник, моя опора. И от этого осознания было не так страшно проживать период реабилитации.

Как правило, на операции меня возили весной, в конце апреля-начале мая, чтобы к лету я более-менее восстановилась и могла проводить каникулы на даче.

Однажды, после очередной операции, со мной произошел случай, который во многом изменил меня и мои внутренние установки. Лежу я, прикованная к кровати, а вокруг весна, солнце светит, конец учебного года, все дети на улицу рвутся. А я могу только в окно смотреть, в котором виден только небольшой кусочек голубого неба, чистого такого, насыщенного, без единого облачка, и угол крыши дома. И в это время к нам в гости зашли подружки из других подъездов и стали звать гулять. Девчонки, сестры, конечно, с удовольствием согласились. А я лежу бревном, головой пошевелить не могу, не то, что телом. И так обидно мне стало, что я расплакалась. Подходит мама и спрашивает, чего это я разревелась, а я ей отвечаю, что тоже гулять хочу и на самокате кататься. Ответ ее я запомнила на всю жизнь: «Хочешь гулять – иди, не идешь, значит не хочешь».

Трудно передать ту бурю чувств, которую вызвали во мне эти слова. В ту пору мне не доставало жизненного опыта, чтобы понять одну простую вещь: мама делала для нас, и для меня, в частности, все, что могла, и даже больше. Мне неведомо было тогда, насколько тяжело ей было. Прокормить в 90-е пятерых детей – задача не из легких, сама по себе, а при учете, что кроме питания, нужно было купить всем одежду, обувь и много всего другого и самим как-то жить – вообще сложно-выполнимая. Притом, не нужно забывать, что помимо воспитания детей, у мамы были и трудовые обязанности, которые тоже выматывали, расстраивали. И в довершение ко всему этому была я – ребенок с физическими особенностями, которого постоянно нужно было возить на различные процедуры, время от времени ложиться в больницу, и, наконец, восстанавливать после операций, не забывая наказ врачей: ни в коем случае не жалеть, поддерживать, подбадривать, но не жалеть, иначе не встанет.

Все это было мне непонятно, и я воспринимала такое обращение, как насмешку. Я не понимала, как может быть так жесток человек, который сам отвез меня на эту операцию, который прекрасно знает, что при всем моем желании, я не смогу даже сесть на кровати, не то, что встать и куда-то пойти. Жгучая обида и ярость клокотали во мне тогда. Помню, я назло (искренне была уверена, что маме, не себе) перевернулась так, чтобы свалиться с этой ненавистной кровати. О последствиях я не думала, я хотела сделать ей также больно, как она мне. Но только тогда я не знала, что эмоции – плохие советчики, и поддаваться их влиянию – значит, обрести себя на еще большие страдания и в добавок получить непредсказуемые, и часто негативные, последствия. В итоге желаемого я достигла – с кровати я упала. Ту боль, которую я испытала словами не передать, они все довольно пресные и блеклые для того, чтобы в полной мере отразить ее. Самое обидное, что мама даже не узнала об этом сразу, она увидела меня на полу, когда я уже проревелась и отползла к стене, чтобы попытаться сесть. Больше я таких кульбитов не вытворяла.

Общее количество операций, которые я перенесла, составляло пять раз, с семи до двенадцати лет. Таким образом, за жизнь я училась ходить шесть раз. Противоречивые чувства до сих пор вызывают во мне эти поездки. Долгое время я не могла слышать без содрогания название города, в котором меня оперировали. С этим у меня тоже была связана одна история.

Как-то раз к нам на дачу приехали друзья семьи, мне было тогда лет шестнадцать. Вдруг, мамина подруга решила поговорить со мной о том, что хорошо бы съездить еще разок, еще одна операция поможет мне избавиться от оставшихся «недостатков», и тогда я буду такая же, как все. Одно упоминание об этом вызвало у меня истерику, я рыдала взахлеб и говорила, что никогда больше туда не поеду, что гуманнее меня прирезать, как поросенка и больше не мучаться никому. Это все несмотря на то, что четыре года меня никто не трогал, даже не говорил ничего на эту тему. Но после этого случая, вопрос с операциями был закрыт. Быть может, я тогда смалодушничала, но я сомневаюсь, что даже сейчас согласилась бы на это.

Кажется, что на этом мои перипетии должны были бы закончиться, но нет. Был в моей жизни другой случай, пополнивший опыт взаимодействия с медицинскими учреждениями. Как известно, в поликлиниках и санаториях широко используют так называемый метод электротерапии или электрофорез. Суть его сводится к тому, что в специальные подушечки помещают провода с током малого напряжения и фиксируют эти подушечки на теле пациента, как правило, лежащего на кушетке. Подушечки, в свою очередь, пропитываются лекарством и под воздействием тока оно лучше усваивается организмом. На такую процедуру мы ездили с мамой неоднократно, но, вопреки практике, проводилась она не в лежачем положении, а в стоячем, а если быть совсем точной, ходячем. На меня (на тело) крепили упомянутые подушечки и заставляли ходить по кабинету. Был он узкий и длинный, вроде коридора, поэтому ходить по нему было вполне удобно. Но, история эта была бы неинтересной, если бы не случилось одно непредвиденное событие. Так как жили мы очень небогато, то разные конфетки, шоколадки и другие сладости родители покупали нам нечасто. Беря во внимание тот факт, что все мое детство было так или иначе связано с медицинскими учреждениями и процедурами, можно с легкостью понять, что посещение различных мероприятий, связанных с моим оздоровлением, от раза к разу становилось для мамы сложнее и сложнее с точки зрения моей мотивации. Чтобы унять мой протест, мама купила мне сникерс. Да, тот самый шоколадный батончик, который так хорошо всем известен. Это сейчас его можно купить в любом магазине, а в 90-е, для ребенка из бедной семьи, он был пределом мечтаний. Так, я шла окрыленная, мечтая, что через какие-то пол часа я его съем и ни с кем делится не надо. Придя в кабинет, мой врач сказала маме, что кто-то из родственников привез ей баночку черной икры и она хочет нас угостить. Черная икра и сейчас то не в каждом доме есть, а тогда… В общем, мама решила, что продукт этот очень полезный и дефицитный, а потому, нужно обязательно меня ей накормить. Я попробовала и подумала, что мне дали какой-то песок с привкусом тины, который к тому же ужасно липкий. Сдерживая рвотный рефлекс, я хотела ее выплюнуть, но мне этого сделать не дали, под угрозой лишения меня шоколадки. С горем пополам я проглотила этот «деликатес» в полной уверенности, что на этом мои мучения закончились. Но взрослые решили, что этого недостаточно и нужно заставить меня съесть еще хотя бы ложку. Тут уже мое терпение лопнуло, и я сказала, что не буду этого делать, ни при каких условиях. Тогда мама распечатала мой батончик и сказала, что в таком случае, она съест его сама. У меня началась истерика. После неудачных попыток меня успокоить, мама вывела меня за дверь кабинета, а сама осталась в нем. Напомню, что все это время подушечки с проводами были на мне. Уж не знаю, что произошло, то ли я слишком сильно дернулась, то ли мама, когда выводила меня, что-то задела, но один из проводов выскочил из подушечки и начал бить током кожу. Так как я рыдала и пребывала в взбудораженном состоянии, я начала потеть. Боль я почувствовала сразу, но не могла понять, откуда она взялась. То ли от страха, то ли от пота, мне казалось, что боль усиливается с каждой секундой. Я ревела, билась в дверь, но никто не реагировал, полагая, что я истерю из-за

шоколадки. Не знаю сколько времени прошло, может минута, может две, но мне показалось, что целая вечность, когда взрослые поняли, что ребенок из-за шоколадки так кричать не может и что-то тут не то. Они ввели в меня в кабинет, и я стала показывать, где болит, так как говорить у меня не получалось. Подняв одежду, они увидели выскочивший провод и выключили аппарат. Не знаю точно, это обстоятельство или что-то еще стало причиной того, что я стала вздрагивать при каждом неожиданном звуке, любой интенсивности, но именно после этого события я стала замечать у себя такую особенность.

Все эти события сформировали у меня стойкое отрицательное отношение к медицине и лечению. Нет, не стоит думать, что я плохо отношусь к врачам или не ценю их, это не так. Я осознаю, что то, что у меня сейчас есть, те способности, которыми я обладаю, стали возможными только при участии врачей. За это я им очень признательна и благодарна. Я понимаю, что они помогли мне встать на ноги, а также то, что они ежедневно проделывают титанический труд по спасению людей, лечат их, помогают рождаться, возвращают зрение, слух и много того, чего не перечислишь в целой главе. Но даже все эти заслуги не позволяют мне избавиться от чувства опасности и возрастающей тревоги, в момент, когда я оказываюсь в медучреждении или рядом с медицинским работником.

ДЦП И ЛЕСТНИЦА.

Во время своего повествования, я иногда буду делать отступления, чтобы осветить читателям моменты моей биографии, которые кажутся мне важными, но в то же время поместить их в конкретную главу не получается, потому как они подходят для многих из них, так как затрагивают мою жизнь в целом, а не в конкретный ее период. Эта глава будет одной из них.

Наверно, в жизни каждого человека есть вещи, которые так или иначе усложняют его жизнь. Для меня, как и для многих других людей, имеющих заболевания опорно-двигательного аппарата, к ним относятся лестницы.

Для маленького ребенка, делающего первые шаги, лестница – сложнейшее препятствие, на котором его нужно постоянно держать и страховать, потому что время от времени нога соскальзывает со ступеньки, не дотягивается до нее, и ребенок падает. В моем случае – все то же самое, только помноженное на тысячу. Организму постоянно нужно следить за твоим и так не самым стабильным равновесием, а тут, в добавок к этому, ты лишаешь себя дополнительной точки опоры, зависая над ступенькой. В голове происходят сложнейше физико-математические расчеты, включающие в себя анализ ширины ступени (достаточна ли она для того, чтобы поставить на нее ногу или слишком узкая), безопасности ее поверхности (не соскользнет ли с нее нога), ее протяженности (не запутаешься ли ты в собственных ногах, спускаясь с нее). Сейчас, будучи взрослым человеком, я делаю это почти также, как здоровые люди, то есть автоматически, в детстве мне на это требовалось достаточно много времени. Зачастую случалось так, что я ошибалась в своих расчетах или переоценивала собственные возможности (справедливости ради, надо признаться, что математик из меня, равно как и физик, неважный), что приводило к падению, в семье мы называли это «полетом шмеля». Сколько таких полетов я совершила за свою жизнь – одному Богу известно. Поэтому выражение «пересчитать ступени позвоночником» не является для меня фигуральным. Как говорится: знаю, умею, практикую. Именно поэтому в детстве я воспринимала лестницы, как личного врага. Я одушевляла их и искренне считала, что они специально встают у меня на пути, чтобы сделать мне больно и плохо. Мысль о том, что они делают мою жизнь проще, помогают добраться туда, куда без них я не смогла бы дойти, тогда мне в голову не приходила. И как человек упрямый, я бросила

им вызов: я специально приходила в места, где много лестниц, с разной высотой и шириной ступеней, и ходила вверх-вниз, оттачивая навык. Если я падала, то часто давала «сдачи обидчику», ударяя ступени за причиненную боль. Как не сложно догадаться, это только усугубляло ситуацию. Но цель в итоге была достигнута, я научилась их преодолевать, не получая травм.

Но, как известно, когда мы преодолеваем одну вершину, жизнь не медлит предоставить нам следующую. Так было и в моем случае. Когда я научилась преодолевать лестницы статические, в моей жизни появились лестницы динамические – эскалаторы. Помню, вначале они вызывали во мне панический страх. Я наотрез отказывалась отпускать мамину руку, когда входила на него, и держалась за нее мертвой хваткой до тех пор, пока эскалатор не оказывался позади. Мне казалось, что это механическое чудовище проглотит меня целиком, как только моя нога коснется его ступени. Но через какой-то отрезок времени, я адаптировалась и начала спокойно входить на эскалатор, держась за маму. Когда пришло время первый раз зайти на него самостоятельно, без сопровождения, я долго стояла рядом, не осмеливаясь сделать этот шаг. Мимо шли люди, я пропускала их сотнями. Когда мне предлагали помощь, я отказывалась, ссылаясь на то, что, якобы, кого-то жду, и мне совсем не нужно вниз. Но так как спуститься мне все-таки было нужно, а время шло, я отважилась подойти к одному мужчине и прямо попросила его помочь мне взойти на эскалатор. Он согласился и помог, сначала зайти на него, потом сойти. Впоследствии, я долгое время просила окружающих помочь мне в этом нелегком деле, а потом, в какой-то миг почувствовала внутреннюю уверенность, что способна сделать это самостоятельно, без посторонней помощи. Я шагнула на движущееся полотно и устояла. Восторгу моему не было предела. Я смотрела вокруг горящими глазами, всем своим существом излучая гордость. Доехав до конца, я самостоятельно сошла с него. Внутри меня все ликовало. Я сделала это! Сама! Но люди вокруг были погружены в собственные мысли и торопились по своим делам, поэтому моего триумфа не заметили.

Я И ВЕЛОСИПЕД.

Еще одним знаменательным событием в моей жизни была езда на велосипеде, точнее сказать, обучение. Как я уже говорила, лето наше проходило на даче. Так как никаких развлечений, кроме походов за ягодами-грибами и выездов на речку по выходным, там не было, то основным нашим занятием были гонки на велосипедах. Велосипедов у нас было много: самый маленький – Бабочка, бежевого цвета с зелеными толстыми колесами, другой побольше, со складной рамой, - Аист, и два огромных велосипеда, с высокой рамой – Украина. Потом появились еще велосипеды, но их названия я не знаю. Самым любимым времяпровождением был их ремонт. К нам приходили соседские ребята, мы дружно переворачивали стальных коней вверх колесами и что-то постоянно крутили, чинили, натягивали. Чтобы как-то выделиться среди остальных, на спицы вешали разноцветные катафоты и треугольники из проволоки. После окончания ремонтных работ, все велосипеды мылись, да так, чтобы твой сиял на солнце лучше остальных. После всех этих мероприятий была контрольная поездка, легкая – по дороге, или с препятствиями – на поле. Особый восторг вызывали огромные лужи, которые нужно было проехать и не свалится где-нибудь посередине.

Я, так как не умела ездить, первое время ездила на багажнике, потом всем стало тяжело и неинтересно меня возить, и я пыталась успевать за ними бегом. Получалось

неважно, да и уставала быстро. И тогда я решила, что выход из ситуации только один – научится ездить самой.

Сказано-сделано. Я стала просить сестер и брата, чтобы они меня учили. Они старались, но им было тяжело, поскольку весила я как они, а равновесие держать не умела совсем и постоянно заваливалась набок. Получалось так, что им приходилось тащить на себе и велосипед, и меня. После нескольких попыток, они признали делом безнадежным и сказали, что учить меня больше не будут.

Но я человек упрямый, и с детства понявший, что слово «невозможно» - это вызов. Оно приравнивалось мной к лени, отсутствию желания, времени, возможностей у человека, у которого ты что-то просишь. У него, но не у тебя!

Тогда я пошла к соседям, у которых было два сына, примерно шестнадцати лет, то есть старше, а значит и сильнее нас. Я попросила их научить меня кататься на велосипеде. Один из братьев помогал мне несколько раз, потом отказался, а второй принял предложение с энтузиазмом. Мы учились довольно долго и что-то даже начало получаться. Обучение проходило на проселочной дороге, вдоль участков, которая переходила в плиты, окруженные канавами с водой и крапивой с двух сторон. Сколько канав, ожогов крапивой, разбитых коленей и локтей я собрала, одному Богу известно, я давно сбилась со счета. Но каждая неудача воспламеняла во мне какой-то внутренний строптивый пожар, вся в соплях, слезах, промокшая в застоялой канавной воде, я с каким-то остервенением садилась снова и снова за руль велосипеда.

Шло время, сосед повзрослел и перестал приезжать на дачу, желающих учить меня не осталось совсем. Я начала учиться сама. Падать давно было не страшно, а цель, по-прежнему, казалась заманчивой. И в один прекрасный день у меня получилось, велосипед покатил с горки, но не рухнул в ближайшую канаву, как обычно, а довез меня до самого шлагбаума. Нельзя передать словами всю гамму чувств, которая тогда во мне бушевала. Это был восторг, изумление, гордость, неверие в происходящее. Первым делом, я побежала домой, чтобы рассказать семье о случившемся. Ехать я не решилась, потому что дорога к дому шла в гору. Я пошла и позвала всех на дорогу, чтобы показать, что теперь я тоже умею ездить на велосипеде. И что вы думаете? Правильно, я упала и ударилась довольно сильно, да так, что мне больше не захотелось в этот день подходить к моему железному коню. Но на следующий день я вновь отважилась продемонстрировать свое умение и на этот раз все получилось! Это была моя вторая крупная победа. Когда-то я научилась ходить, несмотря на боль, а теперь я научилась кататься на велосипеде. Эта учеба длилась четыре года, но она стоила всех шишек, синяков и ссадин. Невозможное стало возможным. Я добилась поставленной цели!

ШКОЛА ЖИЗНИ.

Так прошло мое детство и перешло в отрочество.

Мы все, я с младшим братом и сестрами, ходили в один детский сад. Представлял он собой отдельное здание, в котором на втором этаже располагались младшие и старшие группы детского сада, а на первом – классы начальной школы, с первого по четвертый. Та мы взрослели, играли, учились. Это был отдельный мир, в котором были долгие прогулки на свежем воздухе, походы в парк, где были качели-лодочки и ледяная горка, а также экскурсии в зоопарк.

Но все когда-нибудь кончается, и нашей беззаботной поре тоже было суждено закончится. Время шло, мы росли, и настала пора покидать начальную школу и переходить в среднюю. Для нас это было тревожным событием, так как в нашей маленькой школе мы

привыкли к тому, что все друг друга знают и относятся как к родным. А в средней школе по каждому предмету свой учитель и отдельный класс, все новое, громоздкое и незнакомое.

Обучаться меня с сестрами отправили в старинную школу в переулочках Арбата. Это было (и осталось до сих пор) величественное здание со своей историей и традициями. Оно впечатляло своими размерами и необычной планировкой.

Когда я впервые вошла в эту школу, на меня нахлынули чувства изумления, трепета и волнения. И, как оказалось, не напрасно. Нам предстояло, как и полагается в таких случаях, пройти вступительные экзамены по русскому языку, математике и литературе. Тогда я их с треском провалила, единственное, что получилось вытянуть – литература, которую я сдала на «3». По остальным предметам мне не хотели ставить даже «2». Маме говорили, что я не потяну учебу в общеобразовательной школе и меня лучше отправить в спецшколу, где мне будет легче, так как в ней адаптированы и педагоги, и условия под таких учеников. Мама, в свою очередь, попросила их дать мне шанс и позволить обучаться вместе с сестрами, и, если я буду отставать, тогда она будет решать вопрос с моим обучением в другой школе. Ей пошли навстречу, и меня зачислили.

Это было началом нового периода в моей жизни, одного из самых сложных.

В новой школе я впервые осознала, что я не такая, как все. Раньше я этого особо не замечала, потому что ни в семье, ни в начальной школе никто не акцентировал на этом внимание. В средней школе все было иначе. Сначала нас зачислили в класс «Б», где мы вполне гармонично вписались в коллектив, поскольку новеньких, пришедших из других школ, было больше половины класса и мы не выделялись на общем фоне. Но в седьмом классе мама решила перевести нас в класс «А», который был более сильным.

С этого момента жизнь наша изменилась. Не знаю, чем мы пришлись не по вкусу ребятам из этого класса, но с первых дней мы стали в нем изгоями: над нами смеялись, толкали на переменах, кидали в нас разный мусор, причем мы сосем не могли понять, за что. Мы злились ужасно, но смелости как-то ответить своим обидчикам, постоять за себя, у нас не хватало, все наши устные замечания, просьбы и просто вопросы подвергались насмешкам и являлись поводом для новых издевательств. Обращение за помощью к взрослым также не принесло результатов. В то время не особо вмешивались во взаимоотношения внутри класса, если это не переходило определенные границы.

Когда я выходила на перемену в коридор, то видела, как ребята из нашего класса и других передразнивают мою походку. Помню, как жгло меня чувство обиды и злости от того, что я никак не могу повлиять на эту ситуацию и вынуждена смиряться с ней.

Но несмотря на то, что ситуация была не из приятных, мне в ней было все же комфортнее, чем моим сестрам, поскольку они впервые оказались в том положении, когда взрослые не пришли на помощь. Для меня же это было не в новинку (так я считала). И само по себе непринятие со стороны общества, тоже было уже не новым.

ТОВАРИЩ ПО НЕСЧАСТЬЮ.

Был у нас еще в «Б» классе паренек с таким же диагнозом как у меня. Его мама видела мою походку в 5 классе и как она изменилась в 7. Как-то на перемене она подошла ко мне (она всегда сопровождала сына на уроки) и спросила, какое лечение я прохожу, что приносит такие улучшения? Я рассказала ей об операциях, которые мне делали, и она захотела свозить туда своего сына. Я предупредила ее, что жалеть его после них ни в коем случае не нужно, так как ему предстоит пройти весьма длинный и болезненный путь реабилитации, и в случае, если он начнет жалеть и беречь себя, то может сделать себе только хуже, так как мышцы начнут атрофироваться и он может вообще перестать ходить.

В общем, я сказала ей все то, что говорил моей маме хирург, который меня оперировал. Помню их беседу в кабинете перед операцией: он спрашивал ее, сильная ли я? На что мама отвечала, что сложно сказать, поскольку я совсем еще ребенок, но в обиду сестрам себя не даю и, если что-то попытаться у меня отобрать, без боя я не сдаюсь.

Тогда мама моего одноклассника поблагодарила меня, взяла контакты мамы и отвезла его на операцию. Не знаю, что именно у них пошло не так, но думаю, что именно жалость имела место быть, но ходить после этой операции самостоятельно, без опоры он больше не смог. Сначала он пробовал ходить в школу с тростью, потом – с ходунками, а после вовсе перешел на домашнее обучение.

Я понимаю, что моей вины в этом нет, и я обо всем предупредила, но смотреть его матери в глаза после этого мне было стыдно. После этого случая я зареклась, что никому не буду рассказывать об этом центре или советовать его. Но, насколько мне известно, в настоящее время он прекратил свою деятельность.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ.

Между тем, обучение наше продолжалось. Проучившись до девятого класса, сестры не захотели продолжать учебу в условиях постоянного конфликта, и приняли решение поступать в колледжи. Уговаривали и меня, но я решила, во чтобы то ни стало, закончить одиннадцать классов. Меня пытались отговаривать от этого решения, аргументируя это тем, что меня одну затравят, мне не дадут учиться, а посреди года в колледж не возьмут. Но несмотря на то, что я и сама сомневалась, получится ли у меня выстоять, я решила идти до конца. Во мне говорила гордость, уйти – означало потерпеть поражение, сдаться, а этого я допустить не могла.

В десятый класс я шагнула в полной уверенности, что основные трудности еще впереди. Однако, вопреки ожиданиям, никаких неприятностей со мной не произошло, то ли потому, что из класса ушел самый задиристый парень, то ли потому, что все уже повзрослели и поняли абсурдность такого поведения, не знаю.

Эти два года я вспоминаю даже с теплотой.

В это время мне предложили от школы пройти обучение, по городской программе поддержки людей с инвалидностью, по специальности офтальмолог по скрининг диагностике. По окончанию обучения, я становилась помощником педагога, осуществляющего проверку зрения у обучающихся школы, с помощью специальной компьютерной программы. По результатам диагностики, в случае необходимости, мы рекомендовали обратиться к окулисту для профессиональной проверки зрения. Так я получила первый трудовой опыт и наработала небольшой стаж.

Справедливости ради стоит отметить, что нравилась мне эта деятельность не столько перспективой узнать что-то новое, сколько давала возможность абсолютно легально отсутствовать на некоторых уроках, поскольку проверку проводили в учебное время, пока все были на местах. Ведь всем известно, как нравится подросткам не являться на уроки, особенно, будучи уверенными в том, что никаких негативных последствий это не повлечет. Я не была исключением.

Добавлено примечание ([AC1]):

Было в то время еще одно событие, которое укрепило мое положение в классе. Однажды у нас проводили большой школьный конкурс молодых талантов, всех кто пишет стихи, рисует или играет на музыкальных инструментах приглашали принять в нем участие. Я откликнулась, так как с детства писала стихи и могла предложить одно из них на выбор. Меня попросили принести несколько, чтобы выбрать из них наиболее подходящее. Комиссия остановилась на стихотворении, которое называлось «Девочка-любовь». Его